

ЧХЭ ЁНСИН

НОЧЬ
ПЯТИ ПСОВ

Леденящая душу история о мире,
полном ненависти и печали.

Yonhap News

18+

К-триллер

Чхэ Ёнсин

Ночь пяти псов

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.531-31
ББК 84(5Êîð)-44

Ёнсин Ч.

Ночь пяти псов / Ч. Ёнсин — «Издательство АСТ», 2021 — (К-триллер)

ISBN 978-5-17-146459-2

В старом заброшенном доме найдены убитые школьники. В преступлении сознается учитель тхэквондо. Но зачем он расправился со своими учениками и какое отношение к случившемуся имеет Пак Семин, мальчишкальбинос, которого травили убитые? «Ночь пяти псов» – история человека, виновного уже в том, что он родился, ведь в мире одинаковых людей каждый, кто отличается, становится изгоем. Впервые на русском языке корейский психологический триллер, бестселлер, победитель 7й премии в области молодежной литературы «Хвансанболь». Роман, который заставляет задуматься о кошмарах, скрывающихся за маской обыденности, и показывает темную сторону общества, где царит вечная ночь пяти псов.

УДК 821.531-31

ББК 84(5Êîð)-44

ISBN 978-5-17-146459-2

© Ёнсин Ч., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ЧХЭ ЁНСИН

НОЧЬ ПЯТИ ПСОВ

(FIVEDOG NIGHT)

by ### (Chae Youngshin)

Печатается с разрешения EunHaeng NaMu Publishing Co., Ltd. Russian edition published by arrangement with EunHaeng NaMu Publishing Co., Ltd.

LITERATURE TRANSLATION
INSTITUTE OF KOREA

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea)

Copyright © 2021 by Chae Youngshin

All rights reserved.

Originally published in Korean by EunHaeng NaMu Publishing Co., Ltd.

© Михэеску Л. А., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2023

Глава 1

Бисквитное печенье

Следователь уложил манекен на землю. Беспокойная толпа, собравшаяся за лентой полицейского ограждения, разом стихла. Люди хотели видеть, как совершалось убийство, но мужчина в наручниках не двигался с места. Его взгляд был прикован к каменной ограде, по которой расплзались тыквенные плети вперемешку с вьюнком. Такие же побеги тыквы, перепутанные нитями хмеля, покрывали толстым слоем обвалившуюся с одной стороны крышу дома. Лианы дикого винограда плотно облепили стены, и только окна с разбитыми стеклами и вход с отсутствовавшей дверью не были скрыты занавесом из растений. Эти зиявшие черные провалы окон и двери казались гигантскими глазами и ртом, и Пак Хечжон подумала, что заброшенный дом похож на поверженное чудовище.

Манекен, изображавший ребенка, лежал у самой ограды. Двор давно зарос травой, и голубоглазая кукла с намертво приклеенной улыбкой покоилась на травяном одеяле. Из-за этого сцена напоминала пикник, хотя к груди манекена была прикреплена надпись: «Жертва». У Пак Хечжон мелькнула мысль, что мальчик мог точно так же улыбаться всего за минуту до гибели. Он оказался в этом доме, скрытом от людских глаз, вместе с обожаемым учителем тхэквондо, и наверняка испытывал бурный восторг от приключения, так что улыбка не сходила с лица.

– Как таких тварей только земля носит! – не выдержал стоявший рядом с ней старик. Его трясло от негодования.

Следователь взглянул на наручные часы и коснулся плеча мужчины, поторапливая начать. Тот наконец перестал смотреть в одну точку, покорно опустил на манекен и руками, которые были не только скованы наручниками, но и связаны веревкой, взялся за шею куклы. Фотографы, заранее забравшиеся на стремянки, приступили к работе, засверкали вспышки.

Толпа всколыхнулась, с разных сторон раздались крики:

– Убийца!

– Сдохни!

– Покажи лицо!

Одни бранились, другие плакали. Мужчина поднял голову и медленно осмотрелся вокруг. Его руки по-прежнему сжимали пластиковое горло манекена. Было невозможно понять, о чем мужчина думает, – лицо скрывали маска и низко надвинутая бейсболка, – но когда он повернул голову, Пак Хечжон показалось, словно она услышала его мысли: «Что все это значит?.. Что я здесь делаю?..» Утреннее солнце, пробиваясь сквозь пышную листву, рисовало пятнистый узор прямо на участниках действия.

Следователь заставил мужчину подняться. Полиция получила все, что хотела. Члены семьи не присутствовали на следственном эксперименте, и потому обошлось без драмы. На лицах в толпе, пристально следившей за происходящим, читалось разочарование. Люди переговаривались, сообщая друг другу, что следующим местом будет один из лесистых холмов в Пхочхоне, где преступник закапывал трупы детей. Когда мужчина направился к полицейскому фургону, толпа хлынула ему наперерез. Ринулись в атаку и вооруженные микрофонами журналисты, началась неразбериха. Пак Хечжон застыла, обозревая громогласный переполох с беспристрастностью камеры.

Небо внезапно почернело, подул сильный ветер. Воздушный поток подхватил старые газетные листы, брошенные возле дома, и перенес прямо к ногам. Пак Хечжон присела на корточки, чтобы рассмотреть пожелтевшие страницы. Разобрать дату мешали грязь и поблекшая типографская краска; Пак Хечжон подумала, что газете не меньше двух лет. Она пробежала

глазами по заголовкам статей, набранным жирным шрифтом. Какого-то мужчину зарезали прямо на дороге без видимой причины, кого-то посадили в тюрьму по ложному обвинению.

– Ничего не меняется, – пробормотала она.

Собственный голос показался ей незнакомым. Ощущение чужеродности было каким-то образом связано со временем. Как если бы человек из прошлого услышал голос из будущего и пытался осмыслить это в настоящем. Как если бы произошло сводящее с ума, непостижимое временное смещение.

Все еще сидя на корточках, она оглянулась. Продолжавшая бесноваться толпа выглядела почти сюрреалистично. Пак Хечжон поднялась. Разминая затекшие ноги, она заметила под одним из тыквенных листов яркий налитой плод. Он висел прямо у ворот ограды, дотянуться было проще простого. У Пак Хечжон быстро забилось сердце. Гладкий оранжевый шар казался единственной реальной вещью из всех, что ее сейчас окружали. Она приблизилась к воротам и потянулась за тыквой.

– Что вы делаете?

Пак Хечжон обернулась на голос. На нее усталыми глазами смотрел детектив. Безмолвно она указала пальцем на тыкву. Прямо на кончик пальца упала первая капля дождя.

* * *

Дождь не прекращался. Начавшийся сразу после следственного эксперимента, он все усиливался и с наступлением темноты полил как из ведра.

Пак Хечжон перевернула скумбрию на сковородке. Из радио над раковиной лилась медленная лиричная композиция, телевизор в гостиной передавал новости, телевизор в спальне, настроенный на канал телемагазина, рекламировал спортивные тренажеры. Эстрадный певец, диктор новостей и продавец телемагазина словно соревновались в том, у кого голос громче. Гвалт заглушил бы даже звон телефона, но лицо Пак Хечжон было безмятежно, как у человека, наслаждающегося тишиной.

Накрыв стол на двоих, она зашла в комнату сына. Семин спал за столом, сжимая в руке карандаш. Школьные каникулы еще не закончились, но он занимался на дополнительных курсах. Пак Хечжон взяла раскрытую тетрадь. Похоже, сын готовился к дискуссии о том, стоит ли фокуснику делиться секретами сценической магии. Семин писал, что стоит. *«Когда человеку одиноко, магия может заменить друга»*. Выведенные карандашом слова пронзили ее в самое сердце. Ошибка в слове «одиноко», которой она ни у кого раньше не видела, казалось, подчеркивала одиночество сына.

Ей вспомнилось, как однажды он рассказал историю, вычитанную в книге:

– Мам, представляешь, когда Монтесума II создал первый в мире зоопарк, там держали не только животных, но и людей.

Спросив, какие именно люди попадали в зоопарк, она услышала в ответ, что такие же, как он, – альбиносы.

Она положила тетрадь на место и тронула сына за плечо. Семин слегка вздрогнул и открыл глаза. Она увидела свое отражение в красных зрачках.

– Идем ужинать.

Все еще полусонный, Семин побрел на кухню. Пак Хечжон села рядом с сыном. За прямоугольным столом, пододвинутым к стене, они сидели не друг напротив друга, а бок о бок. После того как Пак Хечжон сделала перестановку на кухне и поставила стол к стене, Семин заявил, что чувствует себя, словно в поезде. По его лицу нельзя было понять, нравится ему это или нет.

Пак Хечжон подцепила палочками кусочек рыбы и положила поверх риса в его ложку. Едва начав жевать, Семин нахмурился.

– Что случилось? Попалась кость?

Он покачал головой. Пак Хечжон тоже попробовала рыбу и поняла, что забыла ее посолить. Несолёная скумбрия была безвкусной и слишком жирной. Почему она вечно все забывает? Вчера Семин ушел на занятия, даже не позавтракав, – она сварила суп, но не приготовила рис. Пак Хечжон насыпала на край тарелки немного соли.

– Интересно, а скумбрия может быть альбиносом? – с деланным безразличием спросил Семин. – Ребята говорили, что бывают дельфины-альбиносы и львы-альбиносы тоже. Наверное, и скумбрия?..

Игнорируя настороженный взгляд матери, Семин впился палочками для еды в рыбью тушку.

– Никогда не слышала об альбиносах среди дельфинов и львов.

– А знаешь, почему? Из-за белого цвета животные слишком заметны врагам. Поэтому погибают очень рано, и мало кто успевает о них узнать. Это мне тоже ребята сказали.

– По-моему, ерунда. Хорошо, враги могут быть у кошки или даже дельфина, но кто осмелится быть врагом льва?

– Другие львы. Альбинос становится изгоем среди сородичей и должен умереть.

Семин отвечал ровным голосом, но она заметила, как дрогнула рука, сжимавшая палочки. Кровь отлила от ее лица. Пак Хечжон вспомнила историю из старой газеты у заброшенного дома. Тот человек, который воткнул нож в случайного прохожего, не имея на то ни малейшей причины... Действительно ли у него не было никакого мотива? Она хорошо помнила жестокие лица одноклассников Семина, тех мальчиков и девочек, что окружали ее сына и травили его, выдумывая гадкие шуточки об альбиносах. Из-за того, что дети были всего лишь детьми и не могли знать, что некоторые раны с годами не заживают, а становятся только глубже, их слова и поступки злее и бессердечнее, чем слова и поступки взрослых. Ее рука сжалась в кулак.

По-прежнему спокойно Семин продолжал:

– А еще бывают растения-альбиносы. У них не работает процесс фотосинтеза, и они тоже быстро умирают.

– Кто, ну кто тебе все это рассказывает?!

– Подожди, – Семин вдруг вскочил со стула и указал на телевизор в гостиной.

Она обернулась. Показывали сюжет об утреннем следственном эксперименте. Сначала на экране появился мужчина, нависший над манекеном, а затем – толпа, блокирующая подступ к полицейскому фургону. Заброшенный дом выглядел отнюдь не мрачным и угрюмым, а всего лишь пустынным и тихим. Журналист, ведущий репортаж, сообщил, что за последний месяц были убиты два мальчика, жившие в многоэтажках. Ее зазнобило, и она обняла себя за плечи.

– Мам, ты знаешь, почему мастер Квон это сделал? – спросил Семин, снова усевшись на стул и перемешивая рис палочками.

Человека, который убил детей, звали мастер Квон. Он преподавал тхэквондо и пользовался большой популярностью у мальчишек.

– А я знаю. Если бы меня спросили... – Семин пристально взглянул на мать.

Пак Хечжон хлопнула его по спине:

– Хватит. Тебе всего одиннадцать, что ты можешь знать.

Семин положил палочки и поднялся. Опершись на стул, он молча смотрел на мать. Опушоженный взгляд не был взглядом ребенка. Ей не стоило этого говорить. И школа, и улица были для него не лучше зоопарка Монтесумы, и его жизнь никак нельзя было назвать жизнью обычного одиннадцатилетнего мальчика. Она страдальчески поморщилась. Говорить такое имела бы право мать, у которой рос здоровый одиннадцатилетний ребенок, не знающий ни издевательств, ни всего остального, чего большинство детей не переживают в его возрасте.

В глазах Семина вспыхнул насмешливый огонек.

– Иди делай домашнее задание.

Он неторопливо направился в свою комнату. Пак Хечжон осталась прибираться на кухне. Ставя посуду в раковину и вытирая стол, она вспоминала, как несколько дней назад предложила переехать в другое место.

Семина часто задышал и уставился на нее:

– Опять? Я не собираюсь сбегать и из этой школы.

Для Семина не существовало преград. Он не только не испытывал замешательства, когда его откровенно разглядывали, но и прямо отвечал на любопытные взгляды, так что люди первыми отводили глаза. Если не считать спорта, он стремился быть лучшим во всех предметах, будь то математика, письмо или рисование. Но от людей с внешностью Семина общество ожидает только одного: чтобы те оставались незаметными. В противном случае общество готово применить силу.

Пак Хечжон безвольно опустилась на стул. Сколько бы она ни думала, никакого другого выхода, кроме эмиграции, не находила. В Америке или во Франции белые брови и необычные глаза Семина не привлекали бы столько внимания. Но сын отказывался обсуждать даже перевод в другую школу, а уж эмиграцию и подавно. Если бы она отважилась на переезд за границу, когда он был совсем маленьким и еще не мог ей возражать! Пак Хечжон с силой скрутила кухонное полотенце, которое держала в руках.

Поднявшись со стула, она пошла в комнату сына. Семина в наушниках лежал на кровати, вытянувшись во весь рост. Он не стал притворяться, что спит. Ей было любопытно, что за музыку он слушает, и она прилегла рядом, вынула один наушник из его уха и прижала к своему. Из наушника не донеслось ни звука. Она вставила его плотнее. По-прежнему тишина. Семина рассмеялся и показал ей язык. Она рассмеялась вслед за ним.

– Как ты думаешь, кем мне стать, когда вырасту? – повернувшись к ней, спросил Семина.

Она потрепала его по щеке:

– Ты же хотел стать политиком?

– Теперь уже не хочу. Лучше магом.

– Магом?

– Да. Как Дэвид Копперфилд. Ты ведь о нем знаешь? Он известен во всем мире.

– Кажется, видела когда-то по телевизору.

– Что значит: «кажется»? Ты либо видела, либо нет.

– Просто это было так давно...

– Все равно не говори так. Иначе люди будут думать, что ты глупая. Поняла?

Едва сдерживая смех, она смотрела на сына.

– Поняла? – с нажимом повторил он.

– Да-да, *кажется*, поняла.

– Ты нарочно!

Пак Хечжон тихонько ткнула пальцем ему в бок. От щекотки Семина свернулся в комок и захихикал. Смех сына словно проник в ее тело, разбудил задремавшие силы, наполнил любовью и радостью.

– Но знаешь... – отсмеявшись, взглянул на нее Семина.

Его глазные яблоки вдруг непроизвольно задвигались, и он тут же закрыл лицо руками, не желая, чтобы она видела его в этот момент. Заболевание, часто встречающееся у альбиносов, не обошло стороной и Семину. Повлиять на нистагм было невозможно, оставалось лишь ждать.

Почувствовав, что глаза снова в порядке, Семина вернулся к прерванной мысли:

– Может случиться так, что я не стану ни политиком, ни магом, ни кем-то еще...

Она вопросительно на него посмотрела.

– Я хочу сказать... Возможно, я уже кое-кем стал...

Семин словно размышлял вслух. Речь его звучала совсем не так уверенно, как обычно. Это было на него непохоже: Семин убежденно излагал даже то, в чем плохо разбирался, заставляя ее всякий раз нервничать перед их собеседниками. Она приподнялась на локте, чтобы лучше видеть сына. Его лицо было совершенно бесстрастно. По крайней мере, ей не удавалось ничего прочитать: Семин лишь несколько раз моргнул, но и все.

– Просто... Иоанн... Он мне сказал...

Иоанн? Кто это? Она впервые о нем слышала. Семин почувствовал ее недоумение.

– Так зовут мастера Квона. Это его второе имя.

Она дернулась, словно получила пощечину. Заметив ее реакцию, Семин нервно облизал губы.

– О, кто-то пришел.

Семин сел на кровати. Пак Хечжон тоже приподнялась. Она не могла понять, действительно ли звонят в дверь, или звук доносится из телевизора. Однако сын встал и уверенно направился к входной двери. Она пошла следом. Открыв дверь, они увидели двух женщин и стоявшего чуть поодаль тощего старика в костюме. Одежда была ему велика, галстук на тонкой шее болтался, как поводок у собаки.

– Добрый вечер. Мы живем здесь неподалеку. Пришли поделиться вестью, которая наполнит радостью ваши сердца.

Женщины были в длинных юбках. Старшая, выглядевшая, по меньшей мере, на восемьдесят, одета в желтую кофту, ее более молодая спутница неопределенного возраста – в синюю. Пак Хечжон, всегда обращавшая внимание на обувь, по привычке бросила взгляд на ноги женщин. По насквозь промокшим туфлям нетрудно было понять, что их владелицы весь день ходят от двери к двери, выслушивая отказы или вовсе не получая ответа.

– Надеюсь, мы не слишком вас беспокоим... Мы хотели бы с вами поговорить, если это удобно, – робко сказала женщина в синей кофте и быстро облизнула пересохшие губы. Ее нервозность выдавала человека, который, несмотря на сотни предшествующих просьб и отказов, все еще не привык к своей роли.

– Извините, но... – начала Пак Хечжон.

– Добрый вечер. Заходите, пожалуйста, – перебил ее на полуслове Семин.

Не обращая внимания на мать, он провел гостей в квартиру. Тяжело вздохнув, Пак Хечжон присоединилась к компании.

– Могу предложить вам только кофе...

– Спасибо, сестра, но достаточно простой воды. Если вас не затруднит.

Уже собравшись было идти на кухню, Пак Хечжон замерла и посмотрела на женщину в синей кофте. Обращение незнакомки распахнуло дверь непрошеным воспоминаниям, и за дверью оказалась родная сестра. Прошлое всегда настигает внезапно. Только что все было спокойно, и вдруг – хлоп! – и уже никуда не скроешься. Со старшей сестрой они никогда не играли в дочки-матери, никогда не ссорились из-за кукол. Сколько Пак Хечжон помнила, сестра всегда болела и почти не вставала с постели, время от времени из ее комнаты доносился страшный нечеловеческий вой. Она хотела бы захлопнуть дверь перед этими воспоминаниями, но помимо воли мысленно уже спускалась по лестнице в комнату сестры. По той самой деревянной лестнице в доме отчима, со скрипящей девятой ступенькой, если считать сверху. Каждый раз, когда мама собиралась вручить Пак Хечжон деньги на карманные расходы, она звала ее в комнату сестры. Этот ритуал должен был напоминать, что деньги, которые она так легкомысленно тратит, достаются ей вместо больной. Даже несколько лет спустя, когда они улаживали дела, мать явилась с сестрой, усаженной в инвалидную коляску. На глазах старшей дочери швырнула младшей документы об аренде квартиры и сберегательную книжку, на которой была внушительная сумма денег, и ушла, даже не взглянув на новорожденного внука.

Включив на кухне чайник, Пак Хечжон поднялась на стул, чтобы достать чашки с верхней полки. Теперь ее поджидал отчим. Стоило пальцам коснуться чашки, как воспоминания о ночах в его доме вырвались из внутренней темницы, где она их прятала. Ночи в его доме. Каждый раз, когда ее отправляли в комнату отчима, мать заранее готовила две чашки чая, как если бы младшую дочь ждала дружеская беседа за чаепитием. Пак Хечжон схватила чашки и поспешно спустилась со стула. Ноги вдруг ослабели, и она чуть не разбила посуду.

– Где же оно?

Оказалось, Семин тоже пришел на кухню и что-то разыскивал. Включив воду, она ополаскивала чашки, незаметно наблюдая за сыном.

– У нас осталось бисквитное печенье? Ты покупала вчера.

– А что?

– Хочу предложить... гостям.

Перед словом «гости» Семин зажмурился и с наслаждением втянул носом воздух. Раньше он делал так лишь тогда, когда ел свое любимое вишневое мороженое. Семину нравилось, когда в дом приходили люди, но, если не считать матери Анбина, к ним обычно заглядывали лишь сантехник и сотрудник жилищно-управляющей компании. А теперь и мать Анбина почти у них не бывала. Пак Хечжон указала сыну на холодильник. Семин открыл холодильник и принялся изучать содержимое. Коробка с печеньем лежала на видном месте, но он никак не мог ее найти. У Пак Хечжон судорожно сжалось горло. Врач предупреждал, что Семин потеряет зрение совсем скоро. Голову пронзила острая игла боли – она впервые почувствовала неотвратимость будущего, о котором говорил врач.

– А, вот же оно!

Семин достал коробку, разложил печенье на блюде и, поставив блюдо на низенький чайный столик, радостно взглянул на мать. Она отнесла столик в комнату. Женщины, сидевшие на диване, опустили на колени и склонились в молитве. Старик, с самого начала державшийся на некотором расстоянии, снова расположился поодаль, на полу, скрестив ноги. Пак Хечжон не отрывала глаз от молящихся женщин. Ее поражало отнюдь не их поведение, а вид сильно потрепанных внизу рукавов. Насколько же старыми должны быть кофты, чтобы так выглядеть? Да и костюм старика был ничуть не новее.

– О чем вы молились? – спросил Семин, дождавшись, пока гости закончат.

Все это время он пристально следил за их губами, беззвучно шептавшими обращение к Господу.

– О том, чтобы нам удалось передать счастливую весть и этому дому.

– Какую счастливую весть?

– Ты ходишь в церковь?

– Нет, но я знаю и о Боге Отце, и об Иисусе.

– Тогда... – начала было женщина в синем, но старшая ее остановила.

Едва заметно нахмурившись, старуха указала на телевизор и попросила сделать потише. Семин мигом вскочил и, промчавшись по квартире, выключил оба телевизора и радио на кухне. Один за другим замолкли диктор новостей, продавец телемагазина и эстрадный певец.

– Ну вот, теперь тихо!

В ответ на слова сына Пак Хечжон с силой потерла лицо. Тишины она не выносила. В тишине всегда просыпались другие, терзавшие ее голоса.

– Так значит, тебе известно о Том, Кто создал этот мир? – Брови женщины в синем изогнулись, словно пытаясь изобразить вопросительный знак.

Семин криво усмехнулся:

– А кому неизвестно? Все слышали о Боге.

– Хорошо. И ты веришь, что мир – это творение Его?

– Нет. В выдумки я не верю. Я верю в теорию эволюции.

– Ты уже знаешь о теории эволюции?!

– А как же. О теории эволюции, о Дарвине, о «Происхождении видов».

– Не может быть!

– Если бы на Галапагосских островах не обитали вьюрки, книга «Происхождение видов» не была бы написана. Этих птичек позже назвали дарвиновыми вьюрками.

Семин с торжествующим видом взирал то на одну, то на вторую гостью. Старшая, судя по всему, была искренне впечатлена и от удивления даже приоткрыла рот. Для восьмидесятилетней старухи выражение лица у нее было слишком простодушным, слишком неискушенным. Пак Хечжон в замешательстве смотрела на эту странную старую женщину. Неожиданно вспомнился мастер Квон. Всякий раз, когда им доводилось встречаться, она испытывала похожую неловкость, но только сейчас поняла, почему. У тридцатидевятилетнего мужчины был по-детски наивный взгляд.

– Вот это да! Какой умный мальчик!

– Благодарю, – церемонно произнес Семин, поднимаясь и кланяясь. – Но вы так и не сказали, что за счастливую весть хотели нам передать.

– Ах да, конечно. Счастливая весть.

Женщина в синем повернулась так, чтобы лучше видеть Семина. Стерев с лица улыбку, она заговорила серьезным тоном:

– Давай сначала поговорим о Вселенной. Как ты ответишь на вопрос: где находится планета Земля?

– В космическом пространстве!

– Верно. И все это пространство смертельно опасно, как бескрайнее поле боевых действий. Там и радиация, и пролетающие каменные «снаряды»... Но чувствуешь ли ты все это, живя на Земле?

– Не чувствую.

По лицу Семина вдруг заструились слезы. С его глазами, глазами альбиноса, это случилось регулярно. Как и нистагм, слезотечение можно было только переждать.

– Не обращайтесь внимания. Я не плачу.

Склонив голову набок, женщина в синем участливо смотрела на Семина. У него на лице мгновенно отразилось недовольство. Семину легче было переносить отторжение или страх, нежели сострадание. Будто желая стереть ее взгляд, он резко провел по лицу ладонью.

– Я говорю, ничего такого я не чувствую. Никакой радиации.

– Именно. Разумеется, не чувствуешь. А все потому, что у Земли есть защита. Своего рода доспехи. Во-первых, магнитное поле. Как бы попроще объяснить, что это такое...

– Проще необязательно. Я, наоборот, люблю, когда объясняют посложнее, – сказал Семин, вызвав у собеседницы улыбку.

– Представь, что в самом центре Земли находится ядро, состоящее из расплавленного железа. Это ядро вращается. Считают, что благодаря ему и существует геомагнитное поле, которое простирается далеко за пределы планеты. Оно защищает Землю от вредных космических излучений.

Внимательно слушавший Семин кивнул.

– А еще Землю защищает атмосфера. Помнишь, я говорила о космических каменных «снарядах»? Из-за того, что атмосфера окутывает планету, словно одеяло, они не попадают на Землю. Удивительно, правда?

– Да.

– Приверженцы теории эволюции скажут, что защитные механизмы Земли появились по чистой случайности. Но не слишком ли замечательно все работает для случайности? Как могла сложиться такая идеальная система, если только ее не придумал идеальный разум?

– Вряд ли все так просто. Надо узнать другую точку зрения.

– Что-что?

– Надо выслушать тех, кто верит в теорию эволюции.

– Ох. Честное слово, первый раз встречаю такогомышленного ребенка.

– Благодарю, – Семин вновь поднялся и поклонился.

Женщина в синем повернулась к Пак Хечжон, чтобы выразить восхищение сыном, но та погрузилась в раздумья и не заметила взгляда гости: «Ядро из расплавленного железа в центре Земли. Как же быстро оно вращается, если магнитная сила преодолевает десятки тысяч километров, пронзая земную твердь и простираясь далеко в космос?»

– Хорошо, давай вернемся к этому разговору позже. Понимаешь, Семин, от того, во что ты веришь, зависит...

– Подождите. Откуда вы знаете, как меня зовут?

Его зрачки расширились. Сидевшие молча и как будто задремавшие женщина в желтом и старик одновременно открыли глаза. Все словно застыли. Никто не сказал бы точно, сколько длилось безмолвие, но наконец старуха опять прикрыла глаза, глубоко вздохнула и на выдохе произнесла: «Аминь».

– Мама, ты называла меня по имени, когда они пришли? – спросил Семин, пристально глядя на мать.

Пак Хечжон не отвечала. Она силилась понять, кто эти люди и откуда знают Семину, смотрела рассеянно и отрешенно.

Мальчик затряс ее за плечо:

– Мама, тебе задали вопрос!

Семин раскраснелся. Пак Хечжон взглянула на женщину в синем и все также рассеянно кивнула.

Мальчик чуть не задохнулся от возмущения:

– Да нет же! Ты не называла моего имени!

– Семин, мы просто слышали о тебе раньше. Мы каждый день говорим с людьми, – с улыбкой стала объяснять женщина в синем.

Улыбка выглядела неестественной. Улыбались губы, но верхняя половина лица казалась окаменевшей, и взгляд оставался настороженным.

– И что же вы слышали?

– Что в этом доме живет не по годам умный мальчик, его зовут Пак Семин. Когда мы с тобой заговорили, я поняла, что это ты. Какой ребенок мог бы быть еще умнее?

– Кто вам это сказал? – с вызовом продолжал Семин, вздернув подбородок.

– Не помню. Мы заходим в десятки квартир...

– Ребенок или взрослый? Хотя бы это вы помните?

– Если не ошибаюсь, ребенок...

Пак Хечжон все еще смотрела на женщину в синем. Ответив на ее взгляд, та опять при-
нужденно улыбнулась. На этот раз улыбка поднялась выше, к переносице, но по-прежнему не затронула глаз. «Откуда она знает Семину? Почему врет?» – кружилось в голове Пак Хечжон.

– Мальчик или девочка?

– Кажется, девочка...

– А что она еще вам сказала? Кроме того, что я умный?

– Пытаюсь вспомнить...

– Очевидно, не о том, что я альбинос. Иначе вы бы меня узнали, как только вошли.

– Что же еще... Знаешь, кажется, больше ничего не говорила. Только о том, что мальчик удивительно умный...

– А! Может, девчонка с длинными волосами, выкрашенными в зеленый цвет?

– Да, кажется, именно она...

– Это Чуи. Только у нее зеленые волосы. – Семин наконец расслабился и рассмеялся. – Она сама неплохо учится. Но я бы не назвал ее умной.

– Разве тот, кто хорошо учится, не умен по определению?

– Это совершенно разные вещи. Как взрослые могут этого не знать?

– Семин! – предупредительно произнесла Пак Хечжон.

Сын легко переступал черту, стоило кому-то его похвалить. Он тут же смутился и прикусил губу. Старуха в желтом, все это время просидевшая с прикрытыми глазами, вдруг дернула шей и сдавленно хрипнула.

– Уже девять часов, нам пора, – произнес старик, заговорив впервые за вечер.

Было заметно, что ему неловко. Женщина в синем поспешно поднялась и помогла встать старшей спутнице. Они взяли свои вещи и направились к входной двери. Женщина в синем поддерживала старуху, продолжавшую дергать шей.

– Может, побудете еще? Мы ложимся не раньше одиннадцати, – насупившись, заговорил Семин.

Ему никто не ответил. У самой двери старуха словно очнулась и оттолкнула руку женщины в синем.

– Скажите хотя бы, как вас зовут.

– Меня? – переспросила женщина в синем, надевая сырые туфли. – Есфирь.

Семин несколько раз беззвучно повторил имя, стараясь запомнить. Затем торопливо прошел в гостиную, взял со стола блюдо с печеньем и вернулся к двери.

– Есфирь, возьмите это с собой.

Женщина уставилась на печенье.

– Вы придете к нам еще? – спросил Семин.

Есфирь посмотрела на мальчика и кивнула.

– А когда?

Женщина чуть повела головой. На ее глаза отчего-то набежали слезы. Она смотрела на мальчика ласково, словно хотела утешить. Вглядевшись в ее лицо, Пак Хечжон с силой сжала руки. От недоброго предчувствия у нее заныло сердце и похолодело внутри.

– Скоро.

Вслед за старшими спутниками Есфирь покинула квартиру. Как только закрылась дверь, Пак Хечжон прошла по комнатам, включая телевизоры и радио. Семин с мрачным видом вновь уселся за чайный столик.

– Смотри, к кофе никто не притронулся, – проговорил он угрюмо. – Они просили воды, но ты сделала кофе.

Ничего не ответив, Пак Хечжон опустилась на диван.

– Я хотел услышать, что это за счастливая весть. Но, конечно, они ушли, раз им даже не дали воды в этом доме.

– Они ушли, потому что уже поздно.

– А вот и нет. Из-за того, что вместо воды им принесли кофе. Ты всегда так делаешь, вот люди и...

– Прекрати! – Ее глаза вспыхнули.

– Хорошо. Но в будущем, когда тебя попросят дать воды, принеси воду. Поняла?

Она промолчала. Ей всего-то пришлось посидеть за столом, но она чувствовала такую усталость, словно вернулась из дальнего путешествия. «Откуда взялись эти верующие, кто они? Почему знают Семину, зачем искали его? Семин сказал, что второе имя мастера Квона – Иоанн. Иоанн, Есфирь – имена не корейские. Значит ли это, что гости связаны с мастером Квоном?» Казалось, каждый удар сердца превращался в вопросительный знак.

– Mam, как думаешь, они еще к нам придут? – спросил поникший Семин, глядя на чашки. – Раз пообещали, должны прийти, правда?

Пак Хечжон не ответила и на это. Семин поднялся и ушел в свою комнату. Она отнесла чайный столик на кухню. «Почему? Почему? Почему?» Вопросительный знак стучал в груди все сильнее. Она застонала и опустилась на пол. Ей казалось, будто чьи-то руки безжалостно сжимают все внутренности. Посидев, она достала из холодильника бутылку сочжу, вылила в раковину остывший кофе, наполнила чашку и выпила одним большим глотком. За первой чашкой последовали еще несколько, а затем она взяла смартфон и нажала первую цифру быстрого набора. Ей не ответили. Прождав до автоматической отмены звонка, Пак Хечжон направилась в спальню. Там пошарила под матрасом, вытащила ключ и открыла нижний ящик шкафа, забитый исписанными тетрадами. Взяла верхнюю и улеглась на кровать.

«Сегодня приходили трое. Верующие. Они знают Семину. Было ясно, что пришли не случайно. Ей страшно. Ей кажется, они связаны с мастером Квоном. Но что общего у этих верующих с убийцей двух мальчиков и с Семином? У нее дурное предчувствие. Ей тяжело с Семином. Так тяжело, что иногда кажется, будто она умирает.»

Семин, почему ты все время впутываешься в истории? Почему не ведешь себя незаметно, как другие дети? Это твой способ выживания?»

Отложив авторучку, Пак Хечжон уставилась в потолок. Спустя несколько минут она снова вернулась к записи.

«Почему женщина, назвавшаяся Есфирью, чуть не заплакала перед уходом?»

Глава 2

Сябу-сябу

– Но теперь-то все кончено?
– Конечно, убийцу поймали, но все равно страшно. Вышла сегодня из дома и чуть не упала в обморок.

– Что-то случилось?

– Перед дверью лежал белый конверт. Я даже не успела ни о чем подумать, как в глазах потемнело.

– А что необычного в конверте?

– Как «что необычного»?! Все знают, что перед тем, как дети исчезали, у их дверей находили белые конверты!

– Ох, в самом деле! Белый конверт!

– Прямо как похоронка. Так говорили люди, которые сами видели. Вода закипает? Сделай огонь потише, пожалуйста, – обратилась к госпоже Со мать школьницы по имени Чуи.

Дверь отодвинулась в сторону и вошел официант. Разговор вынужденно прервался. Пока официант расставлял блюда и разливал соусы, притихшие женщины изучали свои отражения в зеркальцах и сообщения в смартфонах. Ресторан, где готовили сябу-сябу, располагался напротив входа в жилой комплекс и был излюбленным местом встреч для матерей школьников. Вместо общего зала в ресторане были отдельные комнаты с раздвижными дверями.

– Как жаль детей. Такие хорошие семьи, такие перспективы у мальчиков... – со вздохом произнесла мать Чуи.

Ее слова подхватила госпожа Со, мать Анбина:

– Вы не представляете, каково мне было. После того, как произошло второе убийство, не спала ни одной ночи. Да, очень способные и перспективные мальчики, поэтому я так сильно переживала за Анбина... О, нет, я вовсе не хочу хвастаться сыном. Но если уж говорить открыто, то кто в классе с ним сравнится?

Госпожа Со метнула взгляд на Пак Хечжон, сидевшую от нее по диагонали напротив. Та молча опустила кусочек мяса в котел с водой.

– Моя Чуи учится ничуть не хуже. Да и Ёнин тоже, – обиженно вздернула подбородок мать Чуи.

– Но они девочки. А я говорю о мальчиках. Ты разве ничего не знаешь о погибших? Они оба были старостами своих классов! Мерзавец выбирал лучших!

– Ох, верно, они же были старостами! И Анбин тоже староста класса!.. Извини, не поняла сразу.

– Не стоит извиняться.

– Ну что ты, не обижайся! Что с меня взять? Родила дочек, и забот не знаю, пять дней не работаю, шестой отдыхаю... – ломала комедию мать Чуи, стараясь заглядеть промах.

Госпожа Со захохотала, но внезапно оборвала смех и прижала руки к лицу:

– Я рассмеялась? Я действительно рассмеялась? Не помню, когда смеялась в последний раз!

Две ее собеседницы одобрительно захихикали, но Пак Хечжон даже не улыбнулась.

– Кстати, что вы говорили по телефону? Школа готовит фестиваль? В начале семестра? – спросила мать школьницы по имени Чхэён, помешивая салат.

– Решение администрации школы. Они считают, фестиваль поможет разрядить обстановку. Все были в большом напряжении из-за убийств.

– Каждый класс готовит, что хочет?

– Нет, было бы много повторов. Чтобы не терять время, устроили распределительную лотерею между классами. Члены родительского комитета тянули бумажки, на которых было указано выступление для фестиваля. Кому-то достался танец, кому-то – песня, а я для нашего класса вытянула спектакль, поверить не могу!

Заканчивая фразу, госпожа Со уставилась на свои ладони. «Что за негодные руки, – думала она, – хоть бы раз в жизни выбрали что-нибудь стоящее. Только такие и могли схватиться за отца Анбина, а не за другого мужчину из всех возможных. Перебирали-перебирали, да худо выбрали».

Госпожа Со тяжело вздохнула, и это не ускользнуло от внимания матери Чуи:

– Что так вздыхаешь? Разве спектакль не лучше, чем танец или песня?

– Слишком большая нагрузка. Анбину в начале сентября еще сдавать английский.

– Он не сдавал его в июне? – удивилась мать Чхэён.

Не отвечая на вопрос, госпожа Со сверлила глазами Пак Хечжон. На экзамене в июне Анбин набрал баллов меньше, чем Пак Семин. Это случилось не в первый раз, и так было не только с английским. Невыносимее всего было знать, что Семин вышел в финал первой части ежегодной олимпиады по математике, тогда как Анбин не смог пройти отборочный этап. Правда, утешало, что Семин все-таки не стал победителем. Анбин регулярно уступал Семину первенство в математике и в конце концов просто потерял желание учиться. Но это не все. Из-за вечных проигрышей Семину Анбин был постоянно на взводе, и ему пришлось полгода посещать детского психолога. Как будто этого мало, ее муж положил глаз не на кого иного, как на Пак Хечжон и, казалось, совсем потерял голову.

Госпожа Со часто задавалась вопросом, не провинилась ли она перед Пак Хечжон в прошлой жизни – все ее нынешние страдания были так или иначе связаны с этой женщиной. А ведь именно она, госпожа Со, убедила Пак Хечжон переехать в этот жилой комплекс, за что не прекращала себя ругать. Но что случилось, то случилось, и сейчас не время жалеть о прошлом. Госпожа Со стиснула зубы. В ноябре пройдет вторая часть олимпиады по математике. Ясно как день, что Семин, упустивший победу, снова будет участвовать. Анбину необходимо занять первое место, чего бы это ни стоило. Даже если ей придется подсунуть Семину снотворное, ее сын получит золотую медаль. А уж потом она обязательно сделает так, чтобы Пак Хечжон пришлось покинуть этот район навсегда.

– Когда пройдет фестиваль? – снова задала вопрос мать Чхэён.

– В последнюю пятницу сентября.

– Меньше месяца на подготовку! Детям придется вместо учебы репетировать и репетировать!

– Никто не ждет профессионального уровня, справимся. Это не то дело, которому стоит отдавать все силы.

Машинально отвечая, госпожа Со опять взглянула на Пак Хечжон. Та с безразличным видом по-прежнему занималась кусочком мяса. Мать Чуи тоже обратила на нее внимание и, постукивая пальцем по столу, произнесла с заметным неудовольствием:

– Подожди, пока вода закипит, так ничего не получится.

– Ты не забыла, что мы готовим сябу-сябу, а не мясной бульон? – тут же подхватила госпожа Со.

Пак Хечжон наконец подняла голову. Взгляды всех женщин были прикованы к ней. Она хотела улыбнуться шутке, но в то же мгновение почувствовала, как из носа потекла струйка крови.

– У нее кровь! – взвизгнула мать Чуи, указывая пальцем на Пак Хечжон.

Зажав нос рукой, Пак Хечжон поспешно вышла из комнаты.

– Кто вообще ее сюда позвал?

– Я. Не слишком-то хотелось, но, как члену родительского комитета, мне надо поддерживать отношения со всеми родителями, – ответила госпожа Со.

– Но почему сегодня? Я хотела, чтобы мы посидели своей компанией, а не решали школьные вопросы. Наконец-то все закончилось, хотела расслабиться, пригласить вас кое-куда.

– Надо было так и сказать. Стала бы я ее звать, если бы знала.

– Чем нужно заниматься, чтобы довести себя до такого состояния? Что-то не верится, что это убийства мальчиков так ее расстроили. Да она вообще несколько не переживала.

– Вот именно! И сына отпускала в школу. Только Пак Семин туда и ходил!

– Ну, ему-то ничего не угрожало.

– Думаешь, преступник не обратил бы внимания на Семину, потому что мальчик не староста класса?

– Не только поэтому. Анбин говорил, что у Семину с мастером Квоном всегда были особые отношения.

– В самом деле?

– Анбин рассказывал, что один из погибших мальчиков, Санхун, во время тренировки посмеялся над Семином. Ничего обидного, конечно, просто по-дружески. Но мастер Квон это услышал и отругал Санхуна при всех. Да еще как отругал! Чуть не набросился с кулаками.

– Вот это да! И мать Санхуна не пошла разбираться?

– Чтобы она – и не пошла? Устроила страшный скандал мастеру Квону, даже что-то сломала в спортивном зале. Вскоре после этого Санхун и погиб.

– А второй мальчик? Ох, забыла, как звали...

– Минсон. Да, у него тоже были конфликты с Пак Семином.

– Но почему тогда сразу не заподозрили мастера Квона?

– Никому не пришло в голову заподозрить человека, работающего с детьми.

– Да кто из детей не подшучивает над Семином? Если мстить каждому, школа опустеет.

Женщины рассмеялись. Пак Хечжон стояла за неплотно задвинутой дверью, не в силах сдвинуться с места. Выйдя из комнаты, она попыталась обуться, но не наклонилась, боясь, что кровь испачкает пол, а нащупывала туфли ногой. Она не успела уйти, когда в комнате заговорили о Семине. Имя сына, которое чужие люди произносили так легко и бездумно, звучало для нее почти незнакомо.

– А куда ты собиралась нас пригласить?

– В загородный дом.

Пак Хечжон отняла руку от носа. По линиям на ладони протянулись бороздки крови. Она подумала о глазах сына. Красный зрачок и полупрозрачная розоватая радужка с лучиками кровеносных сосудов. Выглядит ли мир в этих глазах таким же красным, как кровь?

– Когда?

– Через две недели, в субботу. У Чуи будет день рождения.

Пак Хечжон сглотнула стужок крови, собравшийся в горле. Дэвид Копперфилд. Семин слышал о нем от учителя и рассказал ей. Маг заставлял исчезать самолет, «Восточный экспресс» и статую Свободы. Однажды ему удалось обмануть настоящих грабителей, сделав так, что из кармана исчезли деньги. Семин был в восторге от всего этого. Заканчивая рассказ, он спросил: если бы она была волшебницей и могла избавиться только от одной вещи в мире, что бы выбрала? Пак Хечжон сложила ладонь лодочкой, и кровь по бороздкам стеклась в середину ладони. Она смотрела на кровавую лужицу пустым взглядом. О чем или о ком думал Семин, задавая вопрос? От чего или от кого хотел бы избавиться, будь у него такая возможность? Мысль о ребенке, который в одиннадцать лет желает, чтобы в мире что-то исчезло навсегда, лишила ее оставшихся сил. Пак Хечжон оперлась чистой рукой о стену. Из комнаты донесся новый взрыв смеха.

Она обернулась и, едва шевеля губами, запоздало ответила на вопрос Семину:

– Я хотела бы избавиться от них.

* * *

– Предлагаешь собраться без мужей?

– Если мужчины поедут, нам придется постоянно заниматься готовкой, разве это отдых?

– Но это же суббота, нехорошо оставлять их дома одних.

Пообедав, женщины переместились в квартиру родителей Чуи. Пак Хечжон с ними не было. Огромная квартира блистала чистотой и поражала изысканными интерьерами. На каждой стене висели картины; люстры и светильники были причудливой формы. Все это больше походило на художественную галерею, чем на дом, где живет семья.

– Что ж, если ты беспокоишься, бери мужа, – холодно ответила госпоже Со мать Чуи.

– Я беспокоюсь не о своем муже, а о твоём, – парировала госпожа Со.

– О моем? Что ты имеешь в виду?

– Он приезжает домой только на выходные. К тому же, ты сказала, что у дочери день рождения.

Нанеся удар, госпожа Со краешком глаза следила за собеседницей, делая вид, что рассматривает картины. Ей было известно, что хозяйка дома страдает от депрессии. Однажды, зайдя к матери Чуи, госпожа Со заметила оставленные на столе лекарства, сфотографировала этикетки на смартфон и позже поискала названия в интернете. Ей потребовалось всего пять минут, чтобы выяснить, что мать Чуи принимает amitriptyline, а также anxiolytics и sedatives.

– Напрасно волнуешься. Следующие две недели муж будет в заграничной командировке. Он очень расстроен из-за дня рождения, но что поделаешь, – со смешком ответила мать Чуи, очищая персики для гостей.

Смех прозвучал неловко, глаза женщины не улыбались. Прищурившись, госпожа Со изучала мать Чуи. Что было причиной депрессии? Семья явно не испытывала недостатка в деньгах, Чуи и ее сестра не доставляли неприятностей, значит, оставался муж. Опыт говорил, что в девяти случаях из десяти это означает, что у мужа появилась любовница, но госпожа Со хотела знать наверняка. В следующую секунду она подумала о Пак Хечжон.

– Кстати, о мужьях. Все забываю рассказать.

– О чем же?

– Не так давно заходила к Пак Хечжон, а она как раз развесила сушиться белье. Там не было ни одной мужской вещи.

– Это ни о чем не говорит.

– Дослушай до конца. Я удивилась и украдкой заглянула в шкаф для одежды. Мужских рубашек там не было. Тут уж я проверила и обувной шкаф. Ни одной пары мужской обуви там не оказалось! – торжествующе завершила госпожа Со, для эффекта даже хлопнув в ладоши.

Однако ожидаемой реакции не последовало. Мать Чхэён с безразличным видом поглощала черешню, а мать Чуи, все еще занимаясь персиками, вяло ответила, что если мужья приезжают домой только по выходным, такое возможно.

– Даже если муж приезжает раз в неделю, какая-то одежда должна быть в доме!

– Может, он умер?

– Исключено. Когда дети на открытом уроке рассказывали о своих семьях, Пак Семин говорил, что его отец...

Госпожа Со остановилась на полуслове, даже не закрыв рот. Когда одно за другим она произнесла слова «Семин» и «отец», в голове почти одновременно вспыхнули два воспоминания: старые тетради, найденные в шкафу Пак Хечжон, и шрамы на ее теле.

Когда-то давно она помогла напившейся до бесчувствия Пак Хечжон добраться домой. Даже не умывшись, та направилась в спальню, засунула руку под матрас и вытащила ключ. Опустившись на корточки, вставила ключ в нижний ящик шкафа, стоящего напротив кровати, но не смогла справиться с замком, повалилась на пол и заснула. С замком справилась госпожа Со. В ящике лежали старые исписанные тетради, и госпожа Со внимательно просмотрела пять или шесть. Записи были отрывочными и краткими, но складывались в общий сюжет. На ее глазах самая обыкновенная девочка превращалась в психически неуравновешенного подростка, имевшего привычку наносить себе увечья, а затем – во взрослую женщину, смотрящую на себя со стороны, как на кого-то другого. Все это напоминало дневник, но в отличие от дневника в записях не были проставлены даты. Более того, рассказ велся от третьего лица, и госпожа Со подумала, что перед ней плохо написанный неинтересный роман.

Примерно год спустя после этого события госпоже Со довелось увидеть обнаженное тело Пак Хечжон. Так она узнала, что тело женщины покрыто многочисленными шрамами, и решила, что это следы насилия. Тогда госпожа Со не связала открытие с прочитанными записями, но сейчас догадка поразила ее, словно удар молнии: следы на теле Пак Хечжон могли быть не результатом насилия со стороны, но результатом самоистязаний, о которых рассказано в тетрадях. Предположение подтверждал тот факт, что шрамы были только спереди, тогда как спина и ягодицы не пострадали. Возможно, записи не были вымыслом. Да-да, велика вероятность, что это были настоящие дневники. Читая тетради рядом с отключившейся Пак Хечжон, она сразу отметила скудный слог и бедную фантазию. Рассказчик был слишком странным, слишком спокойным. Автор романа не стал бы так равнодушно описывать травму за травмой. Но если это действительно дневники, тогда девочка-подросток, пристрастившаяся к сигаретам и алкоголю, девочка-подросток, каждый день наносившая себе раны ножом, – не вымышленный персонаж, а сама Пак Хечжон в прошлом!

Стоило принять это за данность, и разрозненные кусочки пазла собрались в единую картину. Никаких признаков мужчины в доме. Растерянность Пак Хечжон, когда ее спрашивают о муже. Материнская фамилия у сына... Альбинизм Семина! Рот госпожи Со раскрылся еще шире. Догадка была поистине потрясающей. Если написанное в тетрадях окажется правдой, она в два счета избавится от Пак Хечжон. И Семин, этот имуги¹ среди драконов, узнав тайну своего рождения, больше никогда не будет путаться под ногами.

– Что с тобой? – спросила мать Чуи.

Госпожа Со заверила, что все в порядке, и поспешно направилась в ванную комнату. Открыв кран с водой, она посмотрела в зеркало. Жизнь Пак Хечжон отныне в ее руках. Госпожа Со плеснула на лицо холодной воды и вслух велела себе успокоиться. Торопиться не стоило. Пак Хечжон и Семин никуда от нее не денутся. Она здесь для того, чтобы разузнать секреты матери Чуи. Когда найдет уязвимое место, сможет контролировать эту высокомерную выскочку. Взять хотя бы сегодняшний день. Младше на четыре года, а ведет себя так, будто она главная! Госпожа Со сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и вышла из ванной комнаты.

– О чем мы говорили? – задала вопрос госпожа Со, усаживаясь на прежнее место.

– О Семине.

– Разве о Семине?

– Ты сказала, что муж Пак Хечжон не умер.

– Ах, да, вспомнила. Когда дети представляли свои семьи на открытом уроке, Семин говорил об отце. Неужели вы сами не слышали? Судя по всему, он им очень гордится. И говорил он о нем в настоящем времени, не в прошедшем. Поэтому я уверена, что отец жив.

¹ В корейской мифологии существо, похожее на дракона, но драконом не являющееся (здесь и далее примечания переводчика).

– Не приезжает даже по выходным, но и не умер... Развод?

Мать Чхэён очень кстати спросила о разводе. Госпожа Со взглянула на нее с одобрением и отметила про себя, что ее приятельница сегодня очень неплохо выглядит. Даже густые черные брови, делавшие ее похожей на персонажа из игры «Злые птицы», казались сегодня красивыми.

– Ты тоже так подумала? Мне больше ничего не приходит в голову.

– Даже если развод, что с того? Времена изменились. Все, не могу больше, вся перепачкалась. Дочищай ты. – Мать Чуи передала персики и нож госпоже Со и вытерла руки бумажным полотенцем.

– Дело не в самом разводе, конечно, а в том, что Пак Хечжон это скрывает. Мне ее жаль, но мужчину понять можно. Больной сын, да и жена далеко не подарок – вы ведь знаете, сколько она пьет. Мужчины уходят даже из благополучных семей, а уж из такой и подавно. Разве я не права?

Мать Чуи безразлично согласилась и показала подбородком на персики, поторапливая госпожу Со. Та взялась за фрукты, но украдкой продолжала наблюдать за матерью Чуи. Она искала признаки, которые подсказали бы, что женщина страдает или раздражена, однако мать Чуи оставалась бесстрастной. «Неужели я ошиблась? – подумала госпожа Со, но тут же отбросила эту мысль. – Не может быть. Я знаю, что права. У ее мужа точно появилась любовница».

– Даже самый верный мужчина не выдержал бы. Как думаешь, твой муж остался бы в семье в такой ситуации? – снова забросила удочку госпожа Со.

– Ни в чем нет постоянства, – чуть сдвинув брови, ответила мать Чуи, и госпожа Со с радостью отметила, что в голосе появились резкие нотки.

На наживку наконец клюнули.

Госпожа Со доверительно наклонилась к собеседнице:

– Я хочу сказать...

– Пожалуй, я пойду. Что-то устала, – с зевком произнесла мать Чхэён, поднимаясь с места.

Госпожа Со от неожиданности вцепилась ей в край платья:

– Выпей чашечку кофе.

– Боюсь, и кофе не поможет. Надо поспать.

– Можно прилечь здесь на диване.

– Нет-нет, я пойду. Выпейте кофе за меня.

Помахивая сумочкой, мать Чхэён направилась к входной двери. «Надо же было все испортить в последний момент!» Поджав губы, госпожа Со смотрела ей вслед. Длинные волосы уложены в прическу, дорогое платье. «Что бы она ни надела, все равно выглядит как деревенщина», – подумала госпожа Со. Она многое бы отдала, чтобы поделиться своим мнением вслух.

– И я захотела спать. Похоже, слишком много съела. – Теперь зевала и мать Чуи.

– Но мы даже не начали обсуждать фестиваль! Времени совсем мало.

Женщина была уже у двери. Мать Чуи поднялась и, не отвечая на замечание госпожи Со, пошла проводить гостью. Остаться дольше было бы некрасиво, и госпожа Со обиженно отправилась следом.

Хозяйка дома вместе с ними дождалась лифта.

Когда гости зашли в лифт, и двери уже закрывались, она поспешно проговорила:

– Пятницу перед нашей поездкой тоже оставьте свободной.

Госпоже Со пришлось нажать кнопку, чтобы придержать дверь.

– Зачем?

– Пройдемся по магазинам.

– Не думаю, что смогу отпроситься с работы в пятницу. Наш менеджер...

Мать Чуи перебила, не дав договорить:

– Не хочу ничего слышать о твоей так называемой работе. Почему ты ее не бросаешь? Жалкие гроши, которые тебе платят, не стоят того, чтобы каждый вечер оставлять сына одного дома.

Госпожа Со не дослушала окончания фразы. На словах «жалкие гроши» кровь отлила от ее лица, и она отпустила кнопку. Двери лифта закрылись. «Жалкие гроши? Что она себе позволяет?!» Ее глаза сузились и превратились в маленькие щелочки.

Лифт прибыл на первый этаж, и женщины вышли из дома. Их встретила липкая, удушающая жара.

Квартира семьи Чхэён находилась в соседнем здании, так что спутница госпожи Со сразу же попрощалась:

– Скоро увидимся.

– Да-да, отдохни хорошенько, – ответила госпожа Со, мысленно съязвив: «Жду не дождусь».

Мать Чхэён улыбнулась и направилась к своему дому.

Госпожа Со пошла к железной дороге. Здания в жилом комплексе различались метражом квартир. Многоэтажка с самыми большими квартирами, в которой жила семья Чуи, располагалась в центре комплекса, и чем дальше от нее находились другие здания, тем скромнее в них было жилье. Квартира госпожи Со, в два с лишним раза уступавшая в размере той, откуда она только что вышла, находилась в ближайшем к железнодорожным путям доме. Хозяйка находила утешение в том, что никакая другая многоэтажка не закрывает вид и днем в квартире всегда очень солнечно.

Дома она первым делом заглянула в комнату сына, и хотя окно в комнате было распахнуто, в нос ей ударил терпкий запах травы. Как только она вошла, домашний кролик, питомец Анбина, забился поглубже в клетку. Госпожа Со поморщилась. Кролик жил у них больше года, но она так и не смогла его полюбить. Она терпела его только потому, что домашнего питомца обожал сын. Видя, как он ходит за кроликом по пятам – «Тхобин, Тхобин, иди сюда» – госпожа Со испытывала смешанное чувство жалости, досады и раздражения.

Она прикрыла дверь и пошла в гостиную. Установив вентилятор так, чтобы струя воздуха шла в ее сторону, госпожа Со растянулась прямо на полу. Ее смена начиналась в пять вечера, было время вздремнуть. Она включила будильник на смартфоне и закрыла глаза. Однако не успела по-настоящему забыться, как раздался звонок: с ней хотела поговорить мать Чуи.

– Не могла тебе сказать, когда мы были втроем...

– О чем?

– Ты, случаем, не хочешь, чтобы Анбин занялся китайским? Мне порекомендовали очень хорошего учителя, носителя языка.

– Он из Пекина?

– Разумеется. Более того, выпускник Пекинского университета. Ты же не думаешь, что я стала бы искать для Чуи провинциала, говорящего на диалекте?

Из смартфона полился смех, и госпожа Со недовольно нахмурилась.

– Стоит недешево. Полтора миллиона для группы, на троих было бы по пятьсот тысяч.

Мать Чуи замолчала, и госпожа Со попыталась подсчитать, сколько часов ей надо отработать, чтобы получить пятьсот тысяч вон.

– Только я подумала, что заниматься втроем – не очень хорошая идея. У каждого ребенка есть и другие курсы, трудно будет найти время, которое подойдет всем. Как ты смотришь на то, чтобы Анбин и Чуи занимались вдвоем? Получится по семьсот пятьдесят тысяч, но для удобства можно округлить: я заплачу восемьсот, а семьсот будут за тобой.

Госпожа Со не могла решиться. Она давно думала о том, что Анбину стоит заняться китайским, но именно сейчас предложение ее не обрадовало. Сыну необходимы дополнитель-

ные занятия по математике для подготовки к олимпиаде, и плата репетитору уже ударила по семейному бюджету.

– Если для тебя это слишком большая сумма, я заплачу миллион, а ты – пятьсот тысяч.

– О, в самом деле?

Госпожа Со тут же пожалела, что так быстро откликнулась на заманчивое предложение. Пусть мать Чуи и заплатит больше, но в выигрыше все равно окажется именно она, так как получит еще больше власти. Мать Чуи была на четыре года младше госпожи Со, но, к неудовольствию последней, редко выказывала надлежащее уважение и обращалась на «ты». Конечно, они были давно знакомы и не соблюдали условностей общения, но дружелюбие матери Чуи порой граничило с фамильярностью, и что еще хуже, она то и дело порывалась командовать. Даже сегодня в ресторане: не она ли потребовала сделать огонь потише, не она ли помыкала официантами? А персики, которые приказала почистить, хотя госпожа Со была ее гостьей? И тем не менее приходилось терпеть и поддерживать дружеские отношения, потому что мать Чуи была бесценным источником информации. К ней стекались все важные новости, и она могла подсказать что-нибудь действительно дельное, как это случилось сейчас. Мать Чуи знала не только лучшие курсы для детей, не только всех репетиторов, но и владела самой свежей информацией о зарубежных учебных программах.

– Мам, ты чего дверь не открыла?

Госпожа Со испуганно оглянулась. Анбин раздраженно бросил школьную сумку на пол. Она поспешно попрощалась с собеседницей.

– Ты почему такой хмурый? Что-то случилось?

– Семин достал. Сволочь паршивая!

– Я просила тебя не ругаться!

– Да ты хоть знаешь, что сегодня было?!

– Откуда я могу знать?

– Он сегодня всем рассказал, что сдал английский лучше меня!

– Вот поэтому тебе и надо больше заниматься!

Госпожа Со прикусила язык. Детский психолог предупреждал, что ни в коем случае нельзя внушать сыну чувство вины. Анбин проходил терапию половину прошлого года, лечение началось вскоре после того, как поблизости поселились Семин с матерью. Когда в доме появился кролик, Анбину стало заметно лучше, и ему разрешили больше не принимать лекарства, но в новом учебном году² Анбин оказался в одном классе с Семином, и его состояние снова ухудшилось. Госпожу Со ужасала мысль о том, что сыну придется вернуться к лекарствам. Она не хотела повторения страшных месяцев, когда ее ребенок под воздействием препаратов был заторможенным и безразличным ко всему на свете.

– Знаешь, что еще сделал этот придурок? Он узнал, что я собираюсь стать врачом, и сразу стал выделяться, говорить, что будет круче меня, станет этим... как его... министром здравоохранения. Ему ведь все врачи подчиняются, да?

– Ну, это он размышлял. По одному желанию министрами не становятся. Тем более с его внешностью. Никто не назначит альбиноса министром. Раньше таких, как он, вообще считали дьявольскими отродьями и колдунами.

Госпожа Со прервалась, умолчав о том, что в некоторых странах альбиносов, напротив, считали посланниками богов. Она давно решила не говорить о Семине ничего сколько-нибудь лестного, поскольку считала, что высокая самооценка для альбиноса, которому стоит держаться в тени, просто фатальна. Она хорошо помнила свои школьные годы. Некоторое время у них в классе учился мальчик, переболевший паралитическим полиомиелитом. Очень скоро одноклассники принялись над ним издеваться – не из-за его атрофированной ноги, а

² Учебный год в Южной Корее начинается 1 марта и заканчивается в феврале.

из-за того, что мальчик не признавал себя неполноценным. Всякий раз, когда ему выражали сочувствие, он отвечал, что костыли ничем не отличаются от очков, которые носят другие. Так могли бы сказать из жалости его школьные товарищи, но ему самому этого говорить не стоило. Он не давал детям возможности проявить доброту, и они от него отвернулись. Семин ведет себя так же, как тот мальчик. Есть в нем нечто такое, что вызывает желание поставить его на место. Желание его сломить.

– Не хочу больше ходить на курсы!

Анбин ушел в свою комнату, громко хлопнув дверью. Госпожа Со хотела последовать за ним, но опять раздался звонок. На этот раз звонил муж. Она мрачно сообщила ему о грядущей поездке на день рождения Чуи, а также о школьном фестивале – после этой новости муж заметно оживился, и госпожа Со подумала, что он предвкушает встречу с Пак Хечжон.

– Ничего страшного, если уедете на выходные. Я как раз хотел встретиться с друзьями...

Госпожа Со гневно оборвала:

– С какими друзьями?! Пока нас не будет, работай сверхурочно. За это больше заплатят. Нам ни на что не хватает денег!

Бросив трубку, она смачно выругалась, понизив голос, чтобы не услышал Анбин. Как же она устала от всего этого! Госпожа Со опустилась на диван и устала в пространство невидящим взглядом. Вспомнились студенческие годы, когда во время каникул она безвозмездно помогала учиться детям, выселенным из предназначенных под снос домов. Все изменилось, она стала другим человеком. Не давая мыслям себя захватить, госпожа Со резко поднялась. «Все так живут, – заговорила она вслух, словно убеждая саму себя. – Кто по собственной воле выберет жить плохо? О достатке мечтают все». Она опять взялась за смартфон. Госпожа Со привыкла звонить Пак Хечжон, когда становилось муторно на душе. Стоило услышать ее робкий голос, и к госпоже Со возвращались уверенность и твердость. Однако на этот раз Пак Хечжон не ответила. Госпожа Со собралась отложить смартфон, но передумала и набрала номер матери Чхэён.

– Удалось поспать?

– Как пришла домой, сразу же провалилась в сон.

– Я звоню, чтобы... Ты ведь знаешь, я не люблю говорить за спиной... – госпожа Со сделала паузу, ожидая, что собеседница подтвердит ее нелюбовь говорить за спиной, однако та промолчала, – и ни в коем случае не осуждаю мать Семина, просто волнуюсь за нее. Так что пойми, пожалуйста, правильно. Я вот сказала сегодня, что Пак Хечжон выпивает, но на самом деле она настоящая алкоголичка. На днях позвонила ей о чем-то спросить, а она ответила таким заплетающимся языком, что я с трудом разбираю слова. Рыдала в трубку, просила прощения, признавалась в любви – вела себя как полоумная!

Госпожа Со опять прервалась, но мать Чхэён промолчала и на этот раз.

– Но я, конечно, звоню не из-за этого. Вот что я хотела рассказать. Когда она сюда переехала, в нашем комплексе жил мальчик по имени Тонгон. Его мать первое время очень хорошо к ней относилась, часто приглашала к себе. И знаешь, что произошло? Пак Хечжон стала соблазнять ее мужа! Мать Тонгона, естественно, прекратила с ней отношения, но Пак Хечжон преследовала ее супруга, как настоящий сталкер. Несчастная женщина говорила, что чувствует себя так, словно попала в фильм ужасов.

Если бы госпожа Со решила рассказать правду, то соблазнителем и сталкером в этом рассказе был бы отец Тонгона. Но она выбрала версию его жены. Вспоминая, как люди смеялись над матерью Тонгона и над ее жалкими попытками выгородить мужа, госпожа Со испытывала своего рода признательность к собственному супругу. Он начал ей изменять, когда еще продолжался их так называемый медовый месяц, и, хотя сначала ей было больно и горько, со временем боль притупилась и теперь она ничего не чувствовала – интимным отношениям с мужем госпожа Со предпочитала его ежемесячную зарплату. По крайней мере, о ее муже не

сплетничали и он не становился всеобщим посмешищем. Но затем отец Тонгона словно передал ему эстафету – муж госпожи Со без памяти влюбился в Пак Хечжон.

О его чувствах она узнала несколько месяцев назад, когда шел первый семестр учебного года. Никогда ранее не интересовавшийся школьными делами, муж неожиданно взял отгул на работе, захотев поприсутствовать на открытом уроке. Она сомневалась до самого конца, даже когда он достал фотоаппарат и щедро полил себя туалетной водой. Но на уроке он то и дело бросал долгие взгляды на Пак Хечжон, чуть ли не полностью отснял выступление Семина, хотя никто его не просил, и под предлогом отправки фотографий получил ее телефонный номер. После этого сомнений у госпожи Со не осталось. И, конечно, ее уже не удивило, что почти на всех фотографиях Анбина, сделанных мужем с разных ракурсов, также присутствует и Пак Хечжон.

– Другого выхода не было, семье Тонгона пришлось переехать. Я подумала, что должна тебя предупредить. Не стоит быть слишком дружелюбной с этой женщиной...

– Прошу прощения, но ко мне в гости зашла подруга, мне неудобно сейчас говорить.

– Что же ты сразу не сказала? Перезвони, когда уйдет.

Она со стуком положила смартфон на столик. «То спит, то принимает подруг. Какая такая подруга к ней заявила? Не могла сразу сказать, что занята? А еще притворяется душкой. Уже полгода, как сюда переехала, и до сих пор не понимает, что меня лучше не злить, если хочешь жить спокойно». Настроение было хуже некуда. Ей определенно требовалось поговорить с Пак Хечжон, чтобы почувствовать себя лучше.

– Это ты! – голос ответившей Пак Хечжон прозвучал возбужденно.

– Чем занимаешься?

Она могла и не спрашивать, так как по одной услышанной фразе все стало ясно: вернувшись домой из ресторана, Пак Хечжон не расставалась с бутылкой.

– Да ничем особенным... – нетвердо ответила женщина.

«Как это все на нее похоже», – подумала госпожа Со. Если бы ее спросили, что за человек Пак Хечжон, госпожа Со без раздумий ответила бы, что та слишком доверчива и все принимает за чистую монету. Что она из тех, кто не понимает шуток и будет переубеждать людей, которые над ней просто подтрунивают. Что всегда готова извиняться вместо того, чтобы посмеяться над чужими словами.

– Просто думала кое о чем... Ты ведь тоже помнишь тот день? – с горьким смешком продолжила Пак Хечжон и тут же икнула.

Госпоже Со не хотелось слушать очередные пьяные бредни, и она пожалела, что позволила. К счастью, в гостиную из своей комнаты вышел Анбин, которому пора было отправляться на следующие дополнительные занятия. Он заявил, что голоден, и госпожа Со завершила разговор, пообещав скоро перезвонить. Анбин набил сумку чипсами и печеньем, полученными от матери, и, на ходу поедая сладкую булку, стал обуваться.

– Не забывай обращаться к учителю, если чего-то не понимаешь.

Не удостоив ее ответом и даже не попрощавшись, Анбин с набитым ртом вышел из дома.

Госпожа Со опять установила будильник, чтобы сработал через полчаса, и прилегла на диван. Ей стоило бы перекусить и переодеться, но она не могла себя заставить что-либо сделать. Дотянувшись ногой до вентилятора, она переключила его на меньшую мощность и сомкнула глаза. Однако едва начав проваливаться в сон, вспомнила вопрос, который задала Пак Хечжон, и ее глаза помимо воли открылись снова. «Тот день? Что пришло в ее пьяную голову?»

Они познакомились четыре года назад в универмаге, где работала госпожа Со. Она заметила неизвестную ей молодую женщину, когда та выбирала одежду на мальчика, не обращая внимания на высокие цены. Женщина взяла пять или шесть вещей, ни разу не взглянув на ценники, а еще детский рюкзак в придачу. Судя по размеру, ребенок должен был пойти в школу, однако женщина казалась слишком юной, чтобы иметь сына такого возраста. Госпожа Со поду-

мала, что незнакомка берет одежду для племянника, и когда та подошла к кассе, не удержалась и спросила, так ли это. Но женщина лишь смущенно улыбнулась и не ответила.

Примерно месяц спустя госпожа Со увидела ее снова. Та опять покупала детскую одежду. Расплатившись на кассе, она взяла пакет с обновками и неожиданно проговорила: «Это для сына». Увидев озадаченный взгляд госпожи Со, успевшей забыть о своем давнем вопросе, она объяснила подробнее: «Это для сына, а не для племянника. Сын пошел в начальную школу». По ее лицу можно было понять, что весь месяц, прошедший с их первой встречи, она переживала, что не ответила на заданный вопрос. Госпожа Со нашла это трогательным и как можно дружелюбнее ответила, что ее сын тоже пошел в школу. И тут же добавила, что у нее есть и маленькие племянники, поэтому она всегда готова поболтать о мальчишках и проконсультировать по любым проблемам. Женщина задумалась и некоторое время изучала ее лицо, а потом спросила, как с ней можно связаться. Госпожа Со взяла свой смартфон и попросила продиктовать номер. Набрав названные цифры, она нажала кнопку вызова, и смартфон женщины зазвонил. Госпожа Со хотела сказать, чтобы та сохранила номер, но не успела – женщина поспешно ответила на звонок. Госпожа Со машинально поднесла трубку к уху. Так они и стояли, смущенно глядя друг на друга, разделенные лишь кассовой стойкой, обе с включенными телефонами. Скоро ресницы женщины затрепетали, на лице появилось плаксивое выражение, и госпожа Со испугалась, что та сейчас расплачется. Чтобы положить конец неловкости, госпожа Со поторопилась представиться и с облегчением увидела, как на лице ее новой знакомой расцветает улыбка.

С тех пор Пак Хечжон регулярно навещала в универмаг. Ее наряды ни разу не повторялись, менялись даже туфли и сумочки. Для госпожи Со это было важнейшим признаком благополучия. Даже если ей доводилось забыть лицо человека, она всегда в мельчайших деталях помнила, во что тот был одет. Когда-то давно она видела телевизионное шоу, где комик изображал ребенка, мечтавшего вырасти и стать успешным человеком: «Таким, который может позволить себе съесть жареную курицу целиком». Госпожа Со не находила шутку смешной, для нее самый успех определялся похожим образом, только олицетворяла успех не жареная курица, а новая одежда. Когда госпожа Со была ребенком, ее мать приторговывала, продавая соседям побогаче ей самой сшитые платья, блузки и юбки. Девочкой госпожа Со часто носила за матерью узлы с товаром, и когда покупатели выбирали детские вещи, примеряла их вместо дочерей, которых не было дома, потому что те весь день проводили в школах и на платных дополнительных курсах. Каждый раз, снимая после примерки новенькую одежду, будущая госпожа Со что есть силы кусала губы, чтобы не расплакаться. Пак Хечжон в ее глазах была человеком, для которого осуществилась ее, госпожи Со, личная и все еще недостижимая мечта. Она завидовала новой знакомой. Даже слабости Пак Хечжон, открывшиеся со временем, даже ее отстраненность от мира казались госпоже Со атрибутами жизни обеспеченной и беззаботной.

Вскоре госпожа Со поняла, что Пак Хечжон искренне к ней привязалась: месяца три-четыре спустя после их первой встречи та робко предложила поужинать вместе, сказав, что у нее день рождения. Так начались их встречи за пределами универмага, и они частенько ходили выпить кофе, пообедать или просто прогуляться по набережной. Несколько раз Пак Хечжон приглашала ее и к себе домой.

Так продолжалось два года. А затем, в один из мартовских дней, госпоже Со позвонили из больницы. Звонивший объяснил, что Пак Хечжон потеряла сознание на улице и была доставлена в отделение скорой помощи, а номер госпожи Со был первым в быстром наборе. Она отправилась в больницу, не раздумывая. Очнувшись, Пак Хечжон сообщила, что ее сына затравили в школе и что им с Семином необходимо срочно переехать. И, конечно, госпожа Со предложила переехать в жилой комплекс, где находилась ее собственная квартира.

Первое время после переезда Пак Хечжон госпожа Со была по-настоящему счастлива. Отправив Анбина в школу, она забежала к подруге, они вместе завтракали и пили кофе, а ино-

гда успевали и пообедать вместе. Порой устраивали вечеринки, и захмелевшая госпожа Со не раз оставалась ночевать. Но все это длилось ровно три месяца. Когда из-за сына Пак Хечжон у Анбина произошел нервный срыв и пришлось обращаться к специалистам, все чувства по отношению к подруге вытеснила жгучая ненависть. И только сегодня, услышав пьяный вопрос Пак Хечжон, госпожа Со впервые за долгое время вспомнила их прежнюю дружбу. Однако так и не смогла понять, о каком дне спрашивала Пак Хечжон. «О чем же она говорила? Что там себе напридумывала, накачавшись алкоголем в адскую жару?»

Госпожа Со прекрасно знала, какой доброй и застенчивой была Пак Хечжон. Как легко было ее ранить, довести до слез всего несколькими словами. Позволив ожить этим воспоминаниям, госпожа Со почувствовала укол совести – не слишком ли она жестока по отношению к бывшей подруге? Но прежде чем совесть заговорила в полную силу, другое воспоминание прогнало и нарождавшееся раскаяние, и дремоту: от неожиданности госпожа Со резко села.

Еще в ту давнюю пору, когда Пак Хечжон заглядывала в универмаг, одна из покупательниц, узнав ее, поведала госпоже Со леденящую кровь историю. Она рассказала, что Пак Хечжон воспитывает сына-альбиноса и что над мальчиком издеваются в школе. Заводилами были трое его одноклассников, и после очередного случая Пак Хечжон потребовала от них извиниться перед ее сыном. Однако матери мальчишек, побоявшись, что это отразится на репутации их детей в школе, решили не уступать и ответили, что во всем виноват сам Семин и воспитывать его стоило бы лучше. И тогда Пак Хечжон, та самая Пак Хечжон с вечной ангельской улыбкой на губах, стала вытворять такое, чего от нее никто не ожидал. Каждый вечер она приходила к дому, где жили мальчики, и часами стояла, не отводя глаз от их окон. Каждый вечер без исключения, даже во время дождя – раскроет зонт и стоит, не двинется с места. Матери мальчишек чуть с ума не сошли и через полгода слезно умоляли ее прекратить. Но самое страшное было еще впереди. Одна из семей в итоге переехала в другой дом, и сразу же после этого с мальчиком, который травил Семину, на дороге произошел несчастный случай. Через некоторое время и второй попал под машину, а еще через несколько недель – третий. Все трое остались инвалидами. Не слишком ли страшное совпадение?

Госпожа Со недоумевала, как она могла об этом забыть. Но теперь-то уж точно не забудет. «Ах, Пак Хечжон, Пак Хечжон. Такая наивная, такая доверчивая. Не понимающая шуток, переубеждающая пустых болтунов. Всегда готовая извиняться вместо того, чтобы посмеяться над чужими словами. А когда дело коснулось сына, вон как изменилась, вон какой страх навела. Значит, не так уж она и проста...»

Зазвонил будильник. Госпожа Со переставила время на полчаса вперед и закрыла глаза.

Глава 3

Заброшенный дом

После окончания занятий, в четыре часа пополудни Семин вышел на улицу и сразу надел солнцезащитные очки. Хотя солнце уже не палило, из-за больных глаз ему приходилось носить очки до наступления сумерек. Ожидая на переходе, когда включится зеленый, он заметил на противоположной стороне дороги паренька своего возраста. Семин, несмотря на влажную жару одетый в рубашку с длинными рукавами и брюки, попытался представить, как выглядит в глазах этого незнакомого ему ребенка.

Загорелся зеленый свет, и Семин зашагал через дорогу. Когда идущий навстречу мальчик с ним поравнялся, Семин спросил себя: можно ли считать, что он живет с этим мальчиком в одном времени, и тут же покачал головой. Время для альбиносов течет не так, как для обычных людей. И то, что сегодня сказал Анбин, не было совсем уж неправдой.

Анбин окликнул его во время перерыва на занятии по английскому, когда Семин изучал слова, написанные на доске:

– Знаешь, я тут подумал и понял, что министром тебе не стать. Ты просто не доживешь. Такие, как ты, почти всегда умирают до тридцати.

Затем Анбин высунул язык и закатил глаза, изображая труп. Остальные дети покатались со смеху. Конечно, Семин не мог оставить выпад Анбина без ответа. В отместку он напомнил, что превзошел Анбина на последнем экзамене по английскому и даже сказал, на сколько баллов. Анбин тут же стушевался и притих – возможно, побоялся, что Семин расскажет и про олимпиаду по математике. Однако Семин не чувствовал радости от того, что смог уязвить соперника. Победителем все равно остался Анбин. Как он и сказал, жизнь Семина не могла быть долгой, и Семин давно знал об этом. Во время визитов в больницу он не раз про себя отмечал, что врач слишком аккуратно выбирает слова и слишком выразительно смотрит на мать. Семину не составило труда расшифровать этот тайный язык: так он понял, что ему не суждено жить долго и что ему грозит слепота. Каждый раз, когда они покидали больницу, Семин вспоминал отрывок из книги, которую однажды нашел на полке у матери. Там говорилось, что галапагосские черепахи могут дожить и до двухсот лет, тогда как средняя продолжительность жизни бабочек – всего один месяц и, тем не менее жизнь любого существа можно описать четырьмя одинаковыми этапами: рождение, взросление, старение, смерть. А значит, время для всех течет по-разному, и один день бабочки примерно равняется двум тысячам четырехстам дням черепахи. По крайней мере, так понял прочитанное Семин. Он посмотрел на небо. Сквозь темные стекла оно казалось почти коричневым. «Стало быть, мой день равняется трем дням жизни обычного человека... Интересно, почему мама подчеркнула в книге те строчки? Подумала ли обо мне, когда их прочла? Линии были такими неровными, словно рука у нее дрожала...»

Семин вошел на территорию жилого комплекса, однако идти домой сразу ему не хотелось. Он не спеша сделал пять кругов по прогулочной дорожке, но настроение не изменилось. Видеть мать в его теперешнем состоянии было бы невыносимо. Порой он не мог ее не винить, хотя всеми силами противился плохим мыслям. У Анбина был один запрещенный прием, которым тот пользовался, когда чувствовал, что загнан в угол: он мог спросить, не употребляла ли мать Семина наркотики, когда была им беременна. Семин не мог ответить на этот вопрос даже себе. Наверное, наркотики все-таки не принимала, но очевидно было что-то другое, и очень сильное. Иначе как он мог родиться таким? Даже в Европе альбиносы рождаются редко, что говорить об Азии... «Что же ты тогда натворила, мама?...»

«Ты где?» – прочел он пришедшее на смартфон сообщение от матери. Он написал, что уже около дома, но стер сообщение и написал новое, с требованием оставить его в покое – и тоже удалил, не отправив. Семин разозлился. Он злился сейчас гораздо чаще, чем раньше, словно организм компенсировал потерю зрения вспышками гнева. Как правило, сначала он сердился на мать, а затем – на себя, за то, что рассердился.

Семин давно заметил, что люди предпочитают не подходить к нему слишком близко, словно он заразный. А одноклассники, бывало, даже выбрасывали в мусорное ведро вещи, к которым он прикоснулся. Он привык быть один. Привык играть сам с собой – в таких случаях он мог придумать и изобразить даже не двоих, а десятерых человек. До сих пор одиночество Семина не пугало, но он понимал, что с грядущей слепотой придет одиночество иного порядка.

Одиночество иного порядка... Семин вспомнил позапрошрое лето, когда приехал с мамой на пляж Кёнпхо на восточном побережье. Из-за палящего солнца они не стали выходить из машины и сидели там, глядя на море и слушая радио. Двое ведущих разглагольствовали о рае и аде. Они упомянули старинную притчу о длинных ложках, в которой рассказывалось, как люди в аду торопятся накормить только себя, однако им трудно поднести неудобные ложки ко рту, не выронив еду, тогда как в раю каждый кормит длинной ложкой другого человека, и поэтому все сыты и счастливы. Семин тогда громко расхохотался: он не понимал, на кого была рассчитана эта наивная аллегория. Мама странно на него посмотрела. Семин не ответил на ее взгляд и отвернулся к окну. Множество ребятишек со смехом и радостным визгом играли в воде у самого берега.

Понаблюдав за ними, Семин обратился к матери:

– Рай лучше всего виден из ада.

Он заметил, как ее глаза потемнели от боли. Семин знал ее мысли: девятилетний мальчик не должен так говорить, не должен так чувствовать, но что он мог поделать? Таким уж он был рожден, таким был его удел – наблюдать за яркой радостью мира из беспроглядного мрака. Слепнув, он не сможет и наблюдать. Из ада он обозревал рай, но теперь даже ада ему не увидеть. Как же назвать место, находясь в котором, мечтаешь видеть хотя бы ад?

У него заболело в груди, стало трудно дышать, словно легкие отказывались раскрываться. Неловко присев на бордюр, обрамляющий клумбу, Семин сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. К счастью, это помогло. Он поднялся, широко расправляя плечи, и тут же почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернувшись, Семин увидел пожилую пару. Их взоры встретились, но Семин и не подумал опустить глаза. Если люди считают допустимым его разглядывать, он будет разглядывать их в ответ.

В таких ситуациях Семин казался себе животным в зоопарке. Мама однажды сказала, что это мышление жертвы. Возможно, она была права. Семин все-таки первым отвел взгляд и торопливо зашагал прочь, будто вспомнил о срочном деле. Отойдя на некоторое расстояние, он обернулся – стариков уже не было видно. И все равно не покидало чувство, что кто-то тайно подсматривает. Всякий раз, когда возникало это ощущение, избавиться от него было совсем не просто. Семин нервно потер лицо, будто сдирая прилипшие взгляды. Куда бы пойти? Стоило лишь задуматься, и захотелось оказаться в заброшенном доме. После ареста Иоанна он ни разу там не был. Да, дом будет идеальным укрытием. Семин почти побежал.

Обветшалую постройку все еще окружали полицейские ленты. Подойдя почти вплотную к желтым полоскам, преграждавшим вход во двор, Семин заглянул внутрь. Он торопился изо всех сил, но, оказавшись у входа, не мог решиться идти дальше.

Заброшенный дом был для Семина особым местом еще до того, как он познакомился с Иоанном. Семин упрямо протестовал против переезда в жилой комплекс и смены школы, но чем ближе был день переезда, тем сильнее в нем разгоралась тайная надежда на то, что в новой школе все сложится по-другому. Однако по-другому не сложилось. Не прошло и недели, как его новые одноклассники стали наперебой делиться найденной в интернете информацией

об альбиносах, словно соревновались друг с другом в осведомленности. А через две недели весь класс мог бы защитить научную диссертацию по альбинизму. Из всего, что Семину довелось услышать от одноклассников, его особенно поразило сообщение об альбинизме у растений, проявляющемся в отсутствии зеленого пигмента, необходимого для процесса фотосинтеза, без которого растения очень быстро умирают. Семин и сам не мог объяснить, почему мысль о погибающих растениях отозвалась в нем большей болью, чем рассказы об охоте на детей-альбиносов в Танзании, где их тела продавали за большие деньги, или история о первом в мире зоопарке, где наряду с животными держали и людей-альбиносов. Объяснить он не мог, но чувство было глубоким и неизбывным. У него словно отняли последнее пристанище, и больше некуда было бежать, не за что сражаться. В тот день, когда Семин услышал от Анбина о растениях-альбиносах, он отправился после школы к заброшенному дому, который заметил сразу по переезду, но еще ни разу не заходил внутрь. Открыв покосившиеся ворота, петли на которых, казалось, вот-вот отскочат, Семин вошел во двор и вдруг разразился слезами. Это произошло неожиданно, еще секунду назад он и не подозревал, что заплачет, но теперь слезы было не остановить. Семин не был плаксой, он сдерживался, даже когда был один. И в тот раз ему удалось быстро взять себя в руки, но поплакав даже совсем недолго, он испытал огромное облегчение. С тех пор Семин приходил в заброшенный дом, когда становилось слишком грустно и больно. Дом превратился в его тайное убежище. И когда позже Иоанн сказал, что надо разуться и поцеловать землю, Семин не почувствовал ничего неправильного. Более того, он понял, что это самый подходящий ритуал для такого места. Сам Иоанн считал это место святым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.